Золотой мальчик

Жена барабанщика была в церкви и смотрела на новый алтарь, уставленный образами и украшенный резными херувимчиками. Какие они были хорошенькие! И те, с золотым сиянием вокруг головок, что были нарисованы на холсте, и те, что были вырезаны из дерева, а потом раскрашены и вызолочены. Волоски у них отливали золотом; чудо, как было красиво! Но солнечные лучи были еще красивее! Как они сияли между темными деревьями, когда солнышко садилось! Какое блаженство было глядеть в этот лик Божий! И жена барабанщика загляделась на красное солнышко, думая при этом о малютке, которого скоро принесет ей аист. Она ждала его с радостью и, глядя на красное солнышко, желала одного: чтобы блеск его отразился на ее малютке; по крайней мере, чтобы ребенок походил на одного из сияющих херувимов алтаря!

И вот когда она, наконец, действительно держала в объятиях новорожденного малютку и подняла его показать отцу, оказалось, что ребенок в самом деле был похож на херувима: волосы у него отливали золотом; на них как будто легло сияние закатившегося солнышка.

— Золотой мой мальчик, сокровище, солнышко мое! — воскликнула мать и поцеловала сияющие кудри. В комнатке барабанщика словно гремела музыка, раздавалось пение, воцарились радость, веселье, жизнь, шум! Барабанщик принялся выбивать на своем барабане такую дробь, что держись! Барабан — большой пожарный барабан — так и гремел: «Рыжий! У мальчишки рыжие волосы! Слушай, что говорит барабанная кожа, а не мать! Трам-там-там!»

И весь город говорил то же, что барабан.

Мальчика снесли в церковь и окрестили. Ну, против имени сказать было нечего: ребенка назвали Петром. Весь город и барабан звали его «рыжий барабанщиков Петр», но мать целовала золотистые волосы сына и звала его «золотым мальчиком».

На глинистом откосе у дороги было выцарапано много имен.

— Слава! Она что-нибудь да значит! — сказал барабанщик и выцарапал там свое имя и имя сынка.

Прилетели ласточки; они видели в своих странствиях надписи попрочнее, вырезанные на скалах и на стенах храмов в Индостане, надписи, вещавшие о

могучих, славных владыках; но они были такие древние, что никто уже не мог прочесть их, никто не мог выговорить этих бессмертных имен.

Слава! Знаменитое имя!

Ласточки устраивали себе на откосе гнезда, выкапывая в мягкой глине ямки; дождь и непогода тоже помогали стирать выцарапанные там имена. Скоро исчезли и имена барабанщика и Петра.

— Петрово имя все-таки продержалось полтора года! — сказал отец. «Дурак! — подумал пожарный барабан, но сказал только: — Дур-дур-дур-дум-дум-дом!»

Рыжий барабанщиков Петр был мальчик живой, веселый. Голос у него был чудесный; он мог петь и пел, как птица в лесу, не зная никаких мелодий, и все-таки выходила мелодия.

— Он будет певчим! — говорила мать. — Будет петь в церкви, стоять под теми прелестными вызолоченными херувимчиками, на которых так похож!

«Рыжий кот!» — говорили городские остряки. Барабан часто слышал это от соседок.

— Не ходи домой, Петр! — кричали уличные мальчишки. — А то ляжешь спать на чердаке, а в верхнем этаже загорится! Вашему пожарному барабану будет дело!

— Берегитесь-ка вы барабанных палок! — сказал Петр и, как ни был мал, храбро пошел прямо на мальчишек и ткнул кулаком в брюхо ближайшего. Тот полетел кверху ногами; остальные — давай Бог ноги!

Городской музыкант, такой важный, знатный — он был сыном придворного буфетчика, — очень полюбил Петра, часто призывал его к себе, давал в руки скрипку и учил его играть. У мальчика оказался талант; из него должно было выйти кое-что получше простого барабанщика — городской музыкант!

— Солдатом я буду! — говорил сам Петр. Он был еще маленьким мальчуганом, и ему казалось, что лучше всего на свете — носить мундир и саблю да маршировать под команду: раз-два, раз-два!

— Выучишься ходить под барабан! Трам-там-там! — сказал барабан.

— Хорошо, кабы он дошел до генерала! — сказал отец. — Но тогда надо войну!

— Боже упаси! — сказала мать.

— Нам-то нечего терять! — заметил отец.

— А мальчугана нашего? — возразила мать.

— Ну, а подумай, если он вернется с войны генералом!

— Без руки или ноги! Нет, пусть лучше мой золотой мальчик останется целым!

«Трам-там-там!» — загремел пожарный барабан, загремели и все барабаны. Началась война. Солдаты выступили в поход, с ними ушел и барабанщиков Петр, «рыжая макушка», «золотой мальчик»! Мать плакала, а отец уже видел сына знаменитым; городской же музыкант находил, что Петру следовало не ходить на войну, а служить искусству дома.

«Рыжая макушка!» — говорили солдаты, и Петр смеялся, но если кто-нибудь говорил: «Лисья шкура!» — он закусывал губы и смотрел в сторону, пропуская эти слова мимо ушей.

Мальчик был шустрый, прямой и веселый, а «веселый нрав — лучшая походная фляжка», — говорили его старые товарищи.

Часто приходилось ему проводить ночи под открытым небом, мокнуть в дождь и непогоду до костей, но веселость не покидала его, барабанные палки весело выбивали: «Трам-там-там! В поход!» Да, он прямо рожден был барабанщиком!

Настал день битвы; солнце еще не вставало, но заря уже занялась; в воздухе было холодно, а бой шел жаркий. Стоял густой туман, но пороховой дым был еще гуще. Пули и гранаты летали над головами и в головы, в тела, в руки и ноги, но солдаты все шли вперед. То тот, то другой из них падал, пораженный в висок, побелев, как мел. Но маленький барабанщик не бледнел; ему еще не пришлось потерпеть вреда, и он весело посматривал на полковую собаку, прыгавшую впереди так беззаботно, как будто кругом шла игра, как будто ядра были только мячиками!

«Марш! Вперед!» Эта команда была переложена на барабан, и такой команды не берут назад, но тут ее пришлось взять назад — разум приказывал! Вот и велено было бить отбой, но маленький барабанщик не понял и продолжал выбивать: «Марш! Вперед!» И солдаты повиновались барабанной коже. Славная то была барабанная дробь! Она выиграла сражение готовым отступить.

Битва многим стоила жизни; гранаты рвали мясо в клочья, поджигали вороха соломы, в которые заползали раненые, чтобы лежать там брошенными много часов, может быть — всю жизнь! Но что пользы думать о таких ужасах! И все же о них думается — даже далеко от поля битвы, в мирном городке.

Барабанщик с женой тоже не переставали о них думать: Петр был ведь на войне!

— И надоело же мне это хныкание! — сказал пожарный барабан.

Дело было в самый день битвы; солнце еще не вставало, но было уже светло; барабанщик с женою спали — они долго не засыпали накануне, разговаривая о сыне: он был ведь там, «в руках Божиих». И вот отец увидел во сне, что война кончена, солдаты вернулись, и у Петра на груди серебряный крест. Матери же приснилось, будто она стоит в церкви, смотрит на резных и нарисованных на образах херувимов с золотыми кудрями и видит среди них своего милого «золотого мальчика». Он стоит в белой одежде и поет так чудесно, как поют разве только ангелы! Потом он стал возноситься вместе с ними на небо, ласково кивая матери головою…

— Золотой мой мальчик! — вскрикнула она и проснулась. — Ну, значит, Господь отозвал его к Себе! — И она прислонилась головой к пологу, сложила руки и заплакала. — Где-то он покоится теперь? В огромной общей могиле? Может быть, в глубоком болоте? Никто не знает его могилы! Никто не прочтет над нею молитвы! — И из уст ее вырвалось беззвучное «Отче наш»… Потом голова ее склонилась на подушку, и усталая мать задремала.

Дни проходили; жизнь текла, думы росли!

День клонился к вечеру; над полем сражения перекинулась радуга, упираясь одним концом в лес, другим в глубокое болото. Народ верит, что там, куда упирается конец радуги, зарыт клад, золото. Тут и действительно лежало золото — «золотой мальчик». Никто не думал о маленьком барабанщике, кроме его матери, вот почему ей и приснилось это.

Дни проходили; жизнь текла, думы росли!

Но с его головы не упало ни единого волоска, ни единого золотого волоска!

«Трам-там-там, и он к вам!» — мог бы сказать барабан, могла бы пропеть мать, если бы она ожидала сына или увидела во сне, что он возвращается.

С песнями, с криками «ура», увенчанные свежей зеленью, возвращались солдаты домой. Война кончилась, мир был заключен. Полковая собака бежала впереди, описывая большие круги, словно ей хотелось удлинить себе дорогу втрое.

Дни и недели проходили, и вот Петр вступил в комнатку родителей. Он загорел, как дикарь, но глаза и лицо его так и сияли. Мать обнимала, целовала

его в губы, в глаза, в рыжие волосы. Мальчик ее опять был с нею! Он, правда, вернулся без серебряного креста на груди, как снилось отцу, но зато целым и невредимым, чего и не снилось матери. То-то было радости! И смеялись и плакали вместе. Петр даже обнял старый барабан.

— Ты все еще тут, старина! — сказал он, а отец выбил на барабане громкую, веселую дробь.

— Подумаешь, право, в доме пожар! — сказал пожарный барабан. — Макушка вся в огне, сердце в огне, «золотой мальчик» вернулся! Трам-там-там!

А потом? Потом что? Спроси-ка городского музыканта!

— Петр перерос барабан! Петр перерастет и меня! — говорил он, даром что был сыном придворного буфетчика! Но все, чему он выучился за целую жизнь, Петр прошел в полгода.

В сыне барабанщика было что-то такое открытое, сердечное. А глаза и волосы у него так и сияли — этого уж никто не мог отрицать.

— Ему бы следовало красить свои волосы! — говорила соседка. — Вот дочери полицмейстера это отлично удалось, и она сделалась невестой!

— Да, но ведь волосы у нее сразу позеленели, как тина, и ей вечно придется краситься!

— Так что ж! Средств у нее на это хватит! — отвечала соседка. — И у Петра они есть! Он вхож в самые знатные семейства, даже к самому бургомистру, обучает игре на фортепьяно барышню Лотту!

Да, играть-то он умел! Он вкладывал в игру всю свою душу, и из-под его пальцев выливались чудные мелодии, которых не было ни на одной нотной бумаге. Он играл напролет все ночи — и светлые и темные. Это было просто невыносимо, по словам соседей и барабана.

Он играл, а мысли уносили его высоко-высоко, чудные планы роились в голове… Слава!..

Дочка бургомистра Лотта сидела за фортепьяно; изящные пальчики бегали по клавишам и ударяли прямо по струнам Петрова сердца. Оно как будто расширялось в груди, становилось таким большим-большим! И это было не раз, не два, а много раз, и вот однажды Петр схватил эти тонкие пальчики, эту прекрасную руку, поцеловал ее и заглянул в большие черные глаза девушки. Бог знает, что он сказал ей при этом! Мы можем только догадываться. Лотта покраснела до ушей, но не ответила ни слова: как раз в эту минуту в комнату

вошел посторонний, сын статского советника; у него был большой гладкий лоб, доходивший до самого затылка. Петр долго сидел с ними, и Лотта так умильно улыбалась ему.

Вечером, придя домой, он заговорил о чужих краях и о том ладе, который лежал для него в скрипке.

Слава!

— Трам-там-там! — сказал барабан. — Он совсем спятил! Право, в доме как будто пожар!

На другой день мать отправилась на рынок.

— Знаешь новость, Петр? — спросила она, вернувшись оттуда. — Славная новость! Дочка бургомистра Лотта помолвлена вчера вечером с сыном статского советника!

— Не может быть! — воскликнул Петр, вскакивая со стула. Но мать сказала «да» — она узнала эту новость от жены цирюльника, а муж той слышал о помолвке от самого бургомистра.

Петр побледнел, как мертвец, и упал на стул.

— Господи Боже! Что с тобой? — воскликнула мать.

— Ничего, ничего! Только оставь меня! — ответил он, а слезы так и побежали у него по щекам ручьем.

— Дитятко мое милое! Золотой мой! — сказала мать и тоже заплакала. А барабан напевал — конечно, про себя: «Lotte ist todt! Lotte ist todt!» (То есть «Лотта умерла». — Строфа из уличной песни. — Примеч. перев.) Вот и песенке конец!"

Но песне еще не был конец; в ней оказалось еще много строф, чудных, золотых строф!

— Ишь, ломается, из себя выходит! — оговаривала соседка мать Петра. — Весь свет должен читать письма ее «золотого мальчика» и газеты, где говорится о нем и о его скрипке. Он и денег ей высылает немало, а это ей кстати теперь — овдовела!

— Он играет перед королями и государями! — говорил городской музыкант. — Мне этого не выпало на долю, но он — мой ученик и не забывает своего старого учителя.

— Отцу снилось, что Петр вернулся с войны с серебряным крестом на груди, но там трудно заслужить его! Зато теперь у него командорский крест! Вот бы отец дожил! — рассказывала мать.

— Он — знаменитость! — гремел пожарный барабан, и весь родной город повторял: сын барабанщика, рыжий Петр, бегавший мальчиком в деревянных башмаках, бывший барабанщик, музыкант, игравший на вечеринках танцы, — знаменитость !

— Он играл у нас раньше, чем в королевских дворцах! — говорила жена бургомистра. — В те времена он без ума был от нашей Лотты. Он всегда метил высоко! Но тогда это было с его стороны просто дерзостью! Муж мой так смеялся, узнав об этой глупости. Теперь наша Лотта — статская советница!

Золотые были сердце и душа у бедного мальчугана, бывшего барабанщика, который заставил идти вперед и победить готовых отступить.

В груди у него был золотой клад, неисчерпаемый источник звуков. Они лились из скрипки, словно она была целым органом, словно по струнам ее танцевали эльфы летней ночи. В этих звуках отдавались и пение дрозда, и полнозвучный человеческий голос. Вот почему были так очарованы его слушатели, вот почему слава его прогремела далеко за пределами его родины. Он зажигал в сердцах святой огонь, пламя, целый пожар восторга.

— И как он хорош собою! — восторгались и молодые и старые дамы и девицы. Самая пожилая из них даже завела себе альбом для локонов знаменитостей ради того только, чтобы иметь предлог выпросить прядь роскошных волос молодого скрипача.

И вот он вернулся в бедную комнатку барабанщика разодетый, изящный, как принц, счастливый, как король! Глаза и лицо его так и сияли. Мать целовала его в губы и плакала от радости, а он обнимал ее и ласково кивал головой всей знакомой мебели — и сундуку, на котором стояли чайные чашки и цветы в стаканах, и деревянной скамье, на которой спал мальчиком. Старый же барабан он вытащил, поставил посреди пола и сказал:

— Отец непременно выбил бы теперь на нем дробь! Так я сделаю это за него! — И он выбил на барабане такую дробь, что твой град! А барабан был так польщен этим, что кожа на нем взяла да и лопнула.

— Кулак-то у него здоровый! — заметил барабан. — Теперь у меня на всю жизнь останется воспоминание о нем! Да и мать-то, того и гляди, лопнет от радости, глядя на своего «золотого мальчика!»

Вот и вся история о «золотом мальчике».